

Тань Мэн, взглянув на деньги, заметила, что их на двадцать юаней больше, чем в предыдущие дни. Она поставила корзину на землю и, схватив Лю Шу за руку, с волнением и радостью спросила:

— Тебе повысили? Режиссер видит в тебе потенциал, да? Я же говорила, наш Лю Шу такой красивый и высокий.

Лю Шу на мгновение застыл, задаваясь вопросом, не следит ли за ним мать каждый день.

— Мам, тебе не нужно работать?

— Нужно, но я хотела отнести немного батата коллегам. Говорят, в городе он дорогой, и они редко его едят.

— Мам, не нужно идти. Режиссер сказал, что мой путунхуа плохой, и у меня никогда не будет роли с репликами.

Тань Мэн замерла на несколько секунд, словно это был сильный удар. Затем она медленно заговорила, обрушив на Лю Шу поток упреков:

— В школе плохо учился! Что теперь делать?! Сколько раз я тебе говорила, что это ради меня, ради меня! Почему ты не стараешься?!

Лю Шу, обиженно, возразил:

— Разве я виноват, что у меня акцент? У тебя ведь тоже есть акцент!

— Это я теперь виновата? Сам не стараешься, а теперь даже слова в фильме сказать не можешь! — Тань Мэн тыкала пальцем в Лю Шу, так разозлившись, что взяла корзину и хотела уйти. В этот момент на гору поднимался молодой человек, ровесник Лю Шу.

Он был одет в короткую куртку из грубой ткани, с вьющимися волосами до плеч, собранными в маленький хвостик на затылке. В руке он держал блестящую жареную курицу. Издалека он услышал голоса матери и сына.

Подойдя ближе, он спокойно произнес с заметным северо-восточным акцентом:

— Если есть акцент, его можно исправить. У меня тоже был акцент, а теперь я играю вторую мужскую роль.

Мать и сын замолчали, оба уставившись на проходящего мимо парня.

Лю Шу, ростом в метр восемьдесят, привык смотреть на людей сверху вниз. Впервые за много лет он поднял голову, чтобы посмотреть на кого-то, и был поражен.

Когда парень ушел, Лю Шу всё еще смотрел на поворот, ворча:

— Мам, не слушай его. Он просто притворяется.

— Притворяется? А ты в его возрасте даже роли с репликами не имеешь!

— Ты же слышала, что у всех крупных актеров есть связи. Без них на такие роли не попасть.

— Не оправдывайся. Завтра я попрошу главу деревни помочь тебе. Даже если не получится

сниматься, ты всё равно должен быть там, чтобы чему-то научиться. С сегодняшнего дня, если я ещё услышу, как ты говоришь на местном диалекте, можешь забыть о домашней еде! Ты должен практиковать путунхуа везде, где бы ты ни был, и выговаривать каждое слово четко!

Лю Шу не мог поверить, что Тань Мэн может так угрожать ему.

Он знал, что ленится готовить. Лишь когда в деревне происходило что-то важное, и Тань Мэн не было дома, он мог пожарить немного батата для себя и Лю Дачжуана.

Это было её привычкой, из-за которой он теперь не умел и не хотел готовить, предпочитая готовую еду.

— Учёбу бросил, а теперь ещё и путунхуа учить? Позор! — Лю Шу с презрением посмотрел на землю, достал из корзины батат и начал есть.

Тань Мэн сильно ударила его, с грустью покачала головой и с горечью сказала:

— Ради меня, я же говорила, ради меня. Неужели это так сложно?

Приезд съемочной группы в деревню был редким событием. Благодаря связям главы деревни они смогли сделать первый шаг в этот мир. Но почему Лю Шу не может быть более старательным?

Тань Мэн была разочарована и огорчена. Внешне и внутренне она воспитала его хорошо, боясь, что он свернет с пути. Но всё рухнуло из-за акцента.

— После ломки голоса я наконец успокоилась, радуясь, что он не стал похож на крикливого петуха. Но кто бы мог подумать, что всё испортится из-за этого! С сегодняшнего дня, где бы ты ни видел текст, читай его вслух, иначе не получишь ни копейки! — Тань Мэн говорила с ненавистью, и слезы катились по её щекам.

Лю Шу, испуганный, стал утешать мать, извиняться и обещать, что будет усердно практиковать путунхуа.

Тань Мэн нахмурилась, посмотрела на него и, получив обещание, немного успокоилась. Улыбка появилась на её лице, но слезы всё ещё текли.

Вернувшись домой, Тань Мэн пообедала и ушла на работу на фабрику по производству сухофруктов.

Лю Шу, жуя еду, не понимал, почему мать так расстроилась из-за этого. Он знал только, что если он не будет сниматься, она разозлится. Он солгал, что режиссер не хочет его снимать, чтобы она оставила его в покое. Но он не ожидал, что её так расстроит его неудача.

— Что хорошего в съемках? Главное, чтобы было что есть и во что одеться. Не умрем же, если не будем сниматься. — Хотя он так говорил, слезы матери не только удивили его, но и шокировали. За все эти годы она плакала лишь несколько раз, когда его отец сходил с ума. Он не думал, что сможет довести её до слез.

Следующие два дня Лю Шу работал в съемочной группе, но не участвовал в массовке. Он просто выполнял мелкие задания, а когда Тань Мэн уходила на работу, он спускался вниз.

После еды он пошел в городской интернет-кафе, чтобы что-то поискать. Лю Дачжуан сидел

рядом, ведя себя спокойно и не мешая.

Лю Шу уставился на экран, ища список актеров сериала, снимавшегося в угодьях Цзымао. Его взгляд остановился на второй мужской роли.

— Цинь И — наверняка сценическое имя. Думаешь, если назовешься Цинь И, станешь особенным? — Лю Шу закрыл страницу и попытался найти компромат на Цинь И, но обнаружил, что у того даже нет страницы в Байдупедии.

Не найдя ничего, что могло бы его утешить, он открыл программу, которую любил смотреть отец.

— Папа, посмотрим это? — Он обернулся к Лю Дачжуану, который, оживляясь, кивнул и сел на место.

Они провели в интернет-кафе полчаса, а затем медленно направились к полям. По пути они встретили группу людей из массовки.

Лю Дачжуан, увидев парня, увлеченно смотревшего в телефон и отставшего от группы, подошел к нему и с любопытством уставился на экран.

Лю Шу на мгновение отвлекся, и, обернувшись, не увидел отца. Услышав шум, он посмотрел назад и увидел, как Лю Дачжуана толкают, но тот упорно пытается подойти к телефону.

Лю Дачжуан был глухонемым и умственно отсталым. Увидев что-то новое, он вел себя как ребенок, но не мог ничего сказать. Он хмурился, хватая руку того, кто его толкал.

— Это что, дурачок? Почему его не закрыли? Если он кого-то ударит, что тогда? — кто-то из толпы сказал.

Тот, кто толкал Лю Дачжуана, знал, что он не опасен. Кроме того, что он хватал его руку, желая посмотреть на телефон, он не делал ничего плохого.

Лю Шу, увидев это, быстро подбежал и резко оттащил Лю Дачжуана от людей, бросив на них настороженный взгляд. Он извинился и повел отца к полям.

В этот момент с горы спустилась ещё одна группа людей, среди которых был Чэнь Юйши.

Режиссер подошел к Лю Шу, чтобы поздороваться, но тот, услышав шаги, резко встал перед отцом, защищая его. Его взгляд был острым и холодным, словно у волка, защищающего своего детеныша.

Чэнь Юйши, не ожидая такого, слегка вздрогнул. Всего полдня прошло, а Лю Шу так изменился.

— Режиссер Чэнь, закончили съемки? — Лю Шу быстро улыбнулся, но его улыбка была наполовину искренней, наполовину фальшивой, что слегка разрядило обстановку.

— Да, идем обедать. Это отец Лю Шу, да? Здравствуйте, я Чэнь Юйши. — Он протянул руку Лю Дачжуану, который, посмотрев на выражение лица сына, медленно пожал её и тут же отпустил.

Лю Шу улыбался Чэнь Юйши, и отец последовал его примеру.

— Не беспокойтесь об обеде. Папа, пошли. — Лю Шу взял отца за руку и ушел, не оглядываясь.

Цинь И, наблюдая за реакцией Лю Шу, улыбнулся. Ему было любопытно, почему помощник режиссера так вежливо вел себя с ними, если Лю Шу не мог сниматься.

<http://bllate.org/book/16834/1548286>